

Людмила Константиновна Нефедова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Локус детства и категория детствования в «Пятикнижии Ф. М. Достоевского»

Аннотация. Диалектика темы детства в творчестве Ф. М. Достоевского рассмотрена в корреляте с категорией детствования в трудах Н. Ф. Федорова, который понимал детство как состояние всеобщего единства и братства всех людей. Категориальный смысл детства раскрывается в синтезе философской и художественно-эстетической рефлексий на материале художественных литературных репрезентаций в контексте взаимодействия философии и литературы в раскрытии философско-антропологических смыслов человеческого существования от детства к взрослости.

Ключевые слова: философия, литература, роман, локусы детства, категория детствования.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках междисциплинарной научной лаборатории «Философия образования и философия в образовании» Омского государственного педагогического университета.

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Locus of Childhood and Category of Childhood Experience in “The Pentateuch by F. M. Dostoevsky”

Abstract. The dialectics of the theme of childhood in the works of F. M. Dostoevsky is considered in correlation with the category of childhood experience in the works of N. F. Fedorov, who understood childhood as a state of universal unity and brotherhood of all people. The categorical meaning of childhood is revealed in the synthesis of philosophical and artistic-aesthetic reflections on the material of artistic literary representations in the context of the interaction of philosophy and literature in revealing the philosophical and anthropological meanings of human existence from childhood to adulthood.

Keywords: philosophy, literature, novel, loci of childhood, category of childhood experience.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the interdisciplinary research laboratory “Philosophy of Education and Philosophy in Education” of Omsk State Pedagogical University.

Введение (Introduction)

Актуальность обращения к идее детства в творчестве Ф. М. Достоевского обусловлена поиском путей спасения человеческого начала в человеке в русском художественном дискурсе детства. *Цель автора статьи* — раскрыть диалектику становления категории *детствования* в романах Достоевского на основе следующей *гипотезы*: Достоевский в поисках смысла человеческого существования идет от локуса детства через экспликацию семейной истории ребенка к выявлению категориального смысла детства. *Перспектива исследования* видится в обращении к жанру романа в качестве неспецифической формы философствования [1, с. 56], что позволяет обнаруживать смыслы антропологической универсалии детствования

в надтекстовой художественной дискурсивности. Философское осмысление литературных репрезентаций детства способствует прояснению смысла фундаментальных феноменов человеческого бытия в русле философской антропологии.

Методы (Methods)

Диалектика становления категории детствования в романах Достоевского опирается на идею спасения человеческого начала в человеке от эмпирики ребенка [2] до категориального смысла детствования [3, с. 72]; на герменевтический горизонт понимания детства в синтезе его философской и художественной рефлексий [4, с. 445]; на экзистенциалистский подход к детству как проживаемому

и переживаемому состоянию, а также на синтез философско-антропологического и эстетического подходов к герменевтике литературного жанра [5, с. 117].

Литературный обзор (Literature Review)

Понимание человека Достоевским всегда было в центре внимания как отечественных, так и зарубежных философов, литературоведов, психологов, историков. В гуманитарном дискурсе сложились социально-психологический, экзистенциалистский, жанрово-эстетический аспекты антропологической рефлексии человека в творчестве Достоевского в сопровождении этико-эстетической и психоаналитической нюансировки каждого подхода [6, с. 314]. Вкупе все подходы позволяют увидеть мировоззренческую безмерность и противоречивость персонажей писателя, в основе которой, казалось бы, лежит исключительно чувственное ощущение и восприятие аспектов мира. Автор фиксирует отпечатки представлений, которые формируют противоречивые контуры воспринимаемого человеком мира, в котором ему приходится укореняться. Эти внутренние и мучительно переживаемые противоречия между трансцендентными этико-эстетическими христианскими метанарративами, транслируемыми культурой и социумом, и реальными социально-культурными практиками явно и имплицитно определяют основу саморефлексии взрослого человека, его приход в процессе понимания мира к экзистенциальному потрясению, к свободе и необходимости приятия мира, к определению своего места в нём и выработке соответствующих пониманию и месту — поведения и деятельности. Это точки роста в судьбе каждого персонажа в творчестве писателя.

Жанровая форма романа XIX в., как ни один из специфических жанров философского дискурса, позволила увидеть не просто образцы мирозерцания [7, с. 402–406] писателя или его персонажей, но мирозерцание как феномен трансцендирования человека в его драматической диалектике приятия свободы и необходимости. При этом как русский, так и европейский роман XIX в. в принципе еще не рассматривал, а только намечал диалектический скачок, и тем более точку бифуркации, и аттракторы — все составляющие экзистенциальных процессов, приводящие к результату приятия мира, как он есть, и себя, как Я есть в этом мире. Роман, с его жанровыми возможностями, с разомкнутостью романического текста в понимание природы человека в ее животной и духовной составляющих, способствовал концептуальной и эмпирической убедительности художественных картин человеческой жизни, превращая их в репрезентативный для философской антропологии, философии культуры и психологии материал, что рассматривалось как вопрос взаимных отношений философии и литературы [1, с. 60]. Уже в середине XIX в. русский и европейский роман развивал и углублял смыслы своей формы и содержания путем инклюзии в них философско-антропологической рефлексии, превращающей жанр романа в неспецифическую форму философствования, в центре которой был человек. Однако это был преимущественно взрослый человек [8, с. 234].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Итак, в центре художественного мира «Пятикнижия Ф. М. Достоевского» мы обнаруживаем интеллектуалист-

тически рефлексиирующего субъекта, пребывающего в мучительном и безуспешном поиске смыслов мира и человека. Это взрослый, вполне образованный человек, чья система мировоззрения постоянно пребывает в столкновении с собственным мироощущением и вытекающим отсюда миропониманием. Читатель, как правило, является свидетелем осмысленного понимания мира и выработки своих поведения и деятельности в этом мире у уже выросшего персонажа. Таковы Родион Раскольников и Соня Мармеладова, князь Мышкин и Настасья Филипповна, Верховенский и Ставрогин. Заметим, что роман о истории взросления Неточки Незвановой, предшествующий «Пятикнижию», остался незаконченным. Мало того, ее история — заброшенного ребенка, растущего в ситуации сложного переплетения социального, творческого, семейного, гендерного и возрастного конфликтов, — вызвала в психологически направленной критике вопрос о сущности ребенка как такового: уж не монстр ли он? [9, с. 474] Это не удивительно, ибо к 1848 г. русская мысль (в том числе и мысль самого Достоевского) была обращена преимущественно к проблемам взрослой жизни, а ребенок был во многом *tabula rasa* и *terra incognita*. Пристальный взгляд в сторону ребенка появляется в 50–70-х гг. XIX в., которые стали периодом имплицитного накопления наблюдений и открытием ныне общеизвестных «диалектики души и чистоты нравственного чувства», зафиксированными Н. Г. Чернышевским в рецензии на трилогию Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность». Эти качества начинают рассматриваться как сущностные характеристики ребенка, определяющие не просто возраст, но состояние души человека. Достоевский, как и Толстой, сделал свой вклад в накопление художественно-философского осмысления детства. Детство в «Пятикнижии» в ряде случаев приоткрывается как формально необходимый анамнез духовной истории персонажа, давая подчас яркую символически насыщенную картину прошлого, но при том мало объясняя настоящее выросшего человека. Так не прояснен аспект морального падения Ставрогина; явно имеется недостающее звено между детским потрясением Раскольникова, ставшего в детстве свидетелем убийства лошади, и вынашиванием им идеи убийства старухи-процентщицы. Об истоках психической неустойчивости князя Мышкина остается только догадываться.

Казалось, в этих локусах ребенок, дети, детство не раскрыты в целостном последовательном развертывании отдельных образов и экзистенциальных состояний как убедительный процесс психофизического роста и развития от рождения по направлению к взрослости. Однако даже незавершенный роман «Неточка Незванова», в котором только угадывается задача раскрыть жизнь души с ее пробуждением в детском возрасте, фиксирует принятие писателем философско-антропологического вызова времени, ответ на который был отсрочен на период каторги и только позднее был включен в моделирование художественной картины миропонимания. В «Неточке...» Достоевский обнаруживает философско-антропологическую значимость локуса детства, а в последующих произведениях сначала включает его в композицию романа, адресованного безусловно взрослым, затем размыкает границы локуса до мира детства,

выводя категориальный смысл детствования в унисон пониманию целостного человека в русской философии.

Тема детства звучит в каждом романе «Пятикнижия» в качестве очерка детского состояния: роста, социализации, интеллектуального и духовного развития ребенка. В определенной мере это дань жанровой форме романа как необходимая фиксация личной истории персонажей. История персонажа при этом в силу собственно художественных задач не всегда представлена от рождения до смерти, а часто бывает дискретной, а то и просто — эпизодом. Вышесказанное не есть критика художественных особенностей «Пятикнижия» Ф. М. Достоевского или специфики жанра романа в его историческом срезе второй половины XIX в., но стремление автора статьи выявить особенности философской рефлексии феномена детства в романах Достоевского.

Разумеется, обращение к роману как к неспецифической форме философствования предполагает акцент не столько на наррации, сколько на дискурсивности художественного текста. В связи с чем подчеркиваем композиционный аспект репрезентации феномена детства, а именно: эпизоды о детстве, детях, ребенке можно рассматривать как *локусы*, включенные в ткань повествования о взрослой жизни. В целом данные локусы составляют хронотоп детства, позволяющий говорить не просто о теме или мире детства в «Пятикнижии», но о его идеологеме. Художественная функция идеологемы детства — часто вспомогательная, комментирующая, отчасти объяснительная, представленная во вводных контекстах, при том представляющая и отдельный локус-экслав в идейно-тематическом проблемном пространстве творчества писателя в целом и в «Пятикнижии» в частности.

Рассмотрим смыслы ряда локусов детства в «Пятикнижии».

Убийство лошади на глазах маленького Роди Раскольникова («Преступление и наказание», 1866), преследующее его, уже взрослого, во сне и наяву кошмаром, убедительно сопрягается с сотворенным им самим убийством двух беззащитных женщин. Трагедия детского *потрясения веры*, беспомощного детского бунта, загнанного в подсознание, является взрослому человеку как навязчивая идея необходимости отвратительного преступления, что представляет *деструкцию добрых начал* в душе человека.

Несостоявшаяся взрослость князя Мышкина («Идиот», 1867–1869) явлена во всех эпизодах с его участием. Каждый его поступок, каждое решение обусловлены детским чувством родства и единства всех людей [3, с. 73]. Он доверчиво относится к Рогожину, к семьям Епанчиных, Иволгиных; понимает Ганю Иволгина, Ипполита; он глубоко понимает и Настасью Филипповну, и Аглаю. Его доверчиво детское приятие распространяется и на людей откровенно малопорядочных и негативно относящихся к нему. Полагаем, что это обусловлено не душевным расстройством, не психической нестабильностью, не инфантильностью или недостатком опыта в понимании психологии человека, но сильным чувством родовой принадлежности к человечеству как к виду, которая лежит в основе доверчивого отношения ребенка к миру. Чувство родовой принадлежности становится этической платформой, которая определяет вектор отношения к людям в целом и к каждому человеку в отдельности. Воз-

можно, эта платформа является априорной, возможно — нет. Возможно, у растущего индивида эта априорная родовая матрица преобразуется, наращивая ряд социальных и культурных конфигураций, но у князя Мышкина именно она детерминирует его личность и жизнь. Чувство родовой принадлежности к человечеству и понимание человека как близкого, родственного себе существа становятся бессознательным протестом против взросления, мешают вести себя в соответствии с правилами взрослого мира. Напротив, князь Мышкин ведет себя в соответствии с христианской логикой спасения ближнего. По сути, он отказывается принять взрослый мир, найти себя в нём, а невозможность оставаться на детской платформе родовой принадлежности к человечеству и на альтруистическом пути его спасения ведет героя к трагедии утраты рассудка.

О *детстве персонажей в «Бесах»* (1871–1872) сказано достаточно мало. Однако вполне представлены «отцы», чей мир пустого либерального теоретизирования не приняли дети, предпочитая сокрушение социальных и культурных устоев, что однозначно определяло необходимость иного социального и культурного опыта, который дети сами и продуцировали как социальный эксперимент. По существу, Достоевский представил в срезе молодого поколения вариант если не униженных и оскорбленных, то откровенно *экзистенциально заброшенных детей*, которые, казалось бы, благополучно выросли, получив вполне достойное образование и воспитание, не став при этом полноценными субъектами-деятелями, проще говоря — не став гражданами своей страны. Псевдосвобода безответственной либеральной трескотни старшего Верховенского отразилась бесовщиной в кривом зеркале его сына, чьи асоциальные и преступные действия выросли на почве отцовского либерализма. Снисходительное барское покровительство, оказываемое Ставрогиной Верховенскому-старшему, отразилось в чудовищно патологическом асоциальном индивидуализме ее сына — Николая Ставрогина.

Дети в «Бесах» даны уже в срезе своего накопленного инфантильного опыта протеста, жаждущие показательно праздника непослушания, который становится тотальным разрушением всех социальных, культурных, природных ипостасей человека, оборачиваясь бесовщиной и человеческими жертвоприношениями, абсурдом и неизбежным расчеловечиванием.

В «Подростке» (1875) продолжена тема «Униженных и оскорбленных». *Унижение определяет локус подростка*, который вписывается во взрослую жизнь. Он во многом принимает данность своего положения как должное. Здесь нет бессознательного отказа от взросления, но есть не менее опасная тенденция — *вынужденно принимать свое состояние и мириться с ним*, вплоть до полного уничижения, несмотря на вспышки бунта. Социальная неустойчивость и неопределенность подростка детерминируют его экзистенциальную неустойчивость и, соответственно, инфантильную неготовность к социализации, а неудовлетворенная детская жажда родительской любви — призма для понимания характеров взрослых людей и перипетий их жизни. «Подросток», однако, — фиксация продуктивного и качественного опыта взросления человека, несмотря

на неизбежные социальные и культурные противоречия. Это роман воспитания, который превосходит по философско-антропологической глубине все известные европейские романы воспитания и семейные хроники XVIII–XX вв.

Тема *безответственного отцовства*, намеченная в «Бесах» и в «Подростке», находит развитие в «Братьях Карамазовых» (1879–1880), где штрихами обозначены ужасающие подробности инфантицида: *ненависть* родителей к 5-летней девочке; *ненависть* Федора Карамазова к своим сыновьям. Метафора чудовищного инфантицида, обусловленного *ненавистью* к ребенку, — мальчик, затравленный генеральскими собаками.

Феномен *ненависти* взрослого к ребенку фиксирует последнюю степень десакрализации оппозиции отцовства-сыновства с тотальным трагически неразрешимым взаимным отчуждением. Пути расщепления и десакрализации оппозиции отцовства-сыновства тщательно исследованы писателем через такие экспликации способов укоренения сыновей Федора Карамазова в жизни, как то: *преступление* — способ самоактуализации Смердякова; *разгул* — средство уйти от тоскливой реальности, выбранное Дмитрием; *цинизм* — способ спасения разума от расщепления у Ивана; стремление к *схиме* — способ спасения души у Алеши. Теряя смысл живого кровного человеческого родства, оппозиция сыновства-отцовства неизбежно теряет свою социальную функцию консолидации и преемственности поколений в деле сохранения и наследования культурного опыта и культурных практик. Разрушение смыслов тождества отцовства-сыновства влечет разрушение сакрального ядра культуры, а следовательно, ее обесценивание и одичание человека. Не случаен в романе эпизод вражды мальчиков, напоминающий ветхозаветные времена побивания врагов и грешников камнями. Заметим, камни, брошенные мальчиком Илюшкой в товарищей-обидчиков, — протест ребенка против унижения своего отца, защита кровной связи отца и сына. Таким образом, кстати, следует отметить и примеры взаимной прочности этой связи, основанной на любви: Раскольников к матери и сестре, подростка Долгорукого к Версикову, Сони Мармеладовой к своей семье, сестер Епанчиных к родителям. В этом плане Достоевский, безусловно, является гуманистом, фиксирующим наличие трансцендентного идеала духовной связи Отца и Сына в практиках русской жизни.

Однако, как было уже отмечено, в русской жизни имели место и крайние примеры обесчеловечивания в отношении детей и родителей. Истоки этого обесчеловечивания Достоевский убедительно раскрыл в «Подростке», где полнота жизни взрослого интеллектуалистического субъекта никоим образом не коррелирует с жизнью своих собственных детей, напротив, часто осуществляется в ущерб и за счет их жизненно необходимых интересов. Дисбаланс в отношении детей и родителей в «Подростке» не привел к трагическому результату, а остался в границах преодоления традиционной семейной драмы, утверждающей обыденную привычность конфликта отцов и детей не на уровне идей, как у И. С. Тургенева, но на уровне онтологии. В то же время, отмечая, что дети мешают взрослым, отягощают их жизнь, делая ее подчас материально невыносимой, а взрослые недостаточно заботливы по отношению к детям, писатель

утверждает весьма простую вещь: нет между взрослыми и детьми непроходимой пропасти, ибо те и другие объединены состоянием детствования — активным сохранением истокового чувства общего родства по отношению к миру и к себе подобным. При этом «...дита как критерий есть отрицание неродственности, рангов, чинов, всего юридического и экономического и утверждение всеобщей родственности» [3, с. 72]. Утверждение родственности как результат осмысления ребенка и детства представлено в *локусе групповых сцен*, изображающих мальчиков в «Братьях Карамазовых». Помимо того, что эти сцены являются средством моделирования не только главных героев, но и персонажей второго ряда и раскрывают энциклопедическую полноту социального уклада русской провинции в 70-х гг. XIX в., они размыкают границы локуса детства, его периферии, вводя в роман тему детства во всей ее концептуальной полноте, поскольку композиционно целостно представляют собой отдельный роман о детях в романе о взрослых.

Таким образом, Достоевский сводит начала и концы в художественной рефлексии мира детства: от локуса-срезы детского возраста до углубления в пространственно-временной континуум человеческого существования, в котором детство является необходимо сохраняемым трансцендентным началом в человеке со свободным выбором им добрых начал на протяжении всей его жизни. Об этом выборе и речь Алеши, обращенная к мальчикам на похоронах Илюши [10]. Заметим, что судьба Илюши иллюстрирует отнюдь не, казалось бы, неизбежную детерминацию ее социально-культурными обстоятельствами взрослого мира. В этой судьбе во всей полноте явлен трансцендентный аспект детства: Илюшу хоронят около камня — и здесь вновь обращение к Писанию, но уже не ветхозаветному «око за око», а к прочности камня-фундамента раннего христианства — к апостолу Петру, к Православной церкви.

Глава «Мальчики» в «Братьях Карамазовых», возможно, — самые трогательные сцены в романе, где в жесточайшем столкновении добрых и злых начал в детской душе безусловно побеждает добро. Дети здесь — не «униженные и оскорбленные», не «бедные люди», не *les Misérables*, а еще невзрослые люди, но уже имеющие честь, достоинство, стремление к справедливости, готовность поддержать ближнего. Перед читателем отнюдь не вариант социальной утопии, но природно-культурно обоснованная надежда на детство, заметим, на детство русских мальчиков — детей небогатых дворян, разночинцев, горожан, получающих хорошее образование, думающих о жизни, готовящихся к взрослости, берущих на себя ответственность. В них нет прагматической предприимчивости их американских сверстников [11], но есть удивительное чувство истины. Это чувство истины раскрывается и в образе Илюши, и в развитии отношения к нему товарищей: от бездумной детской насмешки, через патронаж старшего подростка над младшим, до понимания истины отцовства-сыновства, которую этот ребенок исповедовал, несмотря на муки поругания.

Заключение (Conclusion)

Отметим ряд философских смыслов локусов детства: потрясение веры и деструкция врожденных добрых начал

(«Преступление и наказание»); сохранение детскости и протест против взросления («Идиот»); экзистенциальная заброшенность и инфантилизм («Бесы»); противоречия процессов социализации и инкультурации («Подросток»). Развитие указанных смыслов находит завершение в «Братьях Карамазовых», где представлен уже целостный мир детства в вариантах его существования, в единичном и общем, в раскрытии смыслов скрепы его с миром взрослых через оппозицию отцовства-сыновства, которая является онтологической осью взросления. Сохранение этой онтологической оси — гарант сохранения и спасения человечности. Разрушение и десакультурация ее ведут к бесовщине.

Итак, ребенок и детство не просто тема начала взрослого существования, не просто идеологема с архетипическим и социально-антропологическим потенциалом, но категория качества человеческого состояния. От понимания детства как локуса в мире взрослых Достоевский идет к созданию художественного мира, где ребенок и возраст детства обретают категориальный смысл — *детствования*, состояния чистоты, сыновней любви, единства людей друг с другом, позднее раскрытого в «Философии общего дела» Н. Ф. Федоровым [3, с. 80–81].

Федоров понимает детствование, детственность как необходимое экзистенциальное состояние для совершения общего дела человечества — возвращения к жизни умерших отцов. Это понимание — философская реальность Федорова, акцентирующая трагедию физической конечности человека и несправедливость сложившегося порядка выживания каждого поколения детей за счет истощения и изъятия витальных сил отцов. Философ не спорил здесь

с Провидением Господним, но полагал, что в механизме смены поколений что-то изначально пошло неправильно. Художественная реальность Достоевского, где детство диалектически представлено безусловно зависимым от мира взрослых, до концептуального развития идеи детства в аспекте свободного выбора ребенка между добром и злом, вполне соотносима с философской реальностью утопии Н. Ф. Федорова.

Ассоциативный диалог, возникающий между Достоевским и Федоровым в процессе философского осмысления феномена детства, позволяет утверждать возможность победы добрых начал через сохранение «детского чувства всеобщего братства» [3, с. 72]. Коррелят позиций писателя и философа в понимании детства расширяет горизонты понимания смыслов творчества каждого автора. Так, у Достоевского актуализируется не только сокрушительная критика социально-антропологических форм бытия, но и трансцендентное жизнеутверждающее спасительное начало всеобщего блага, онтологическая ось которого задана в ребенке. У Федорова коррелят с Достоевским позволяет увидеть идею всеобщего дела спасения и возврата к жизни умерших отцов не как утопию, но как сохранение сакральной связи отцовства-сыновства, как поиск путей сохранения детствования, в том числе и через сохранение исторической памяти. В связи с вышесказанным полагаем перспективным продолжение диалога между философией и литературой [12, с. 26] в выработке философско-антропологических смыслов современной культуры в отношении не только рассмотренного в статье феномена детства, но и ряда иных проблем.

Библиографический список

1. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2009. № 9. С. 56–96.
2. Юнг К. Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание : сб. М. : Олимп : АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
3. Федоров Н. Ф. Философия общего дела : в 2 т. М. : АСТ, 2003. Т. 1. 699 с.
4. Донских О. А. Философия как литература: способы представления // ЕХОЛН [Schole. Философское антиковедение и классическая традиция]. 2014. Т. 8, № 2. С. 445–453.
5. Лученецкая-Бурдина И. Ю. Особенности романного жанра в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х годов // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2016. № 5. С. 115–119.
6. Корнева С. А. Каким Ф. М. Достоевский видит человека // Вестн. Мурман. гос. техн. ун-та. 2011. Т. 14, № 2. С. 313–318.
7. Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Смысл творчества. Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2002. С. 381–544.
8. Нефедова Л. К. Философско-антропологические смыслы «Пятикнижия» Ф. М. Достоевского // Горизонты образования : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2022. С. 234–237.
9. Мельникова Л. А. Образ художника в романах Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» и Г. Бёлля «Дом без хозяина» // Учен. зап. Новгород. гос. ун-та. 2021. № 4 (37). С. 474–478.
10. Джексон Р. Л. Речь Алеши у камня: «целая картина» // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 275–295.
11. Стеценко Е. А. Концепт детскости в литературе США // Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 386–412. DOI: 10.22455/2541-7894-2017-2-386-412
12. Еникеев А. А. Диалог философии и литературы и перспективы «философского романа» как жанра в гуманитарной культуре современности // Учен. зап. Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72), № 1. С. 24–34.